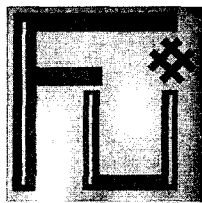

ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
АДМИНИСТРАЦИИ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»
Институт исследований языка, истории и традиционной культуры
коми-пермяцкого народа

**Рукописные памятники как предпосылки
создания национальной письменности**

Материалы межрегиональной научной конференции,
посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики
пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка

*«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію
Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго
Собора Протоіереемъ Θεодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*

28–29 февраля 2008 года
Пермь

Пермь
ПГПУ
2008

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Р 854

Рукописные памятники как предпосылки создания
Р 854 национальной письменности : материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 229 с.

ISBN 978-5-85218-374-3

Межрегиональная научная конференция «Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности», состоявшаяся в г. Перми 20–29 февраля 2008 г., посвящалась 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (современного коми-пермяцкого) языка *«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермьтскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереємъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*.

В сборнике представлены доклады, изложения сообщений и выступлений на пленарном заседании и секциях участников конференции. Издание адресовано специалистам по пермским языкам, а также всем, кто интересуется вопросами истории языка.

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Редакционная коллегия:

Белавин Андрей Михайлович – проректор Пермского государственного педагогического университета по научной работе, доктор исторических наук, профессор;

Абашева Марина Петровна – декан филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор;

Лобанова Алевтина Степановна – директор Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (главный редактор);

Попова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (ответственный редактор).

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

*Издание осуществлено по заказу Департамента внутренней политики
Администрации губернатора Пермского края на средства и в рамках реализации
краевой целевой Программы развития и гармонизации национальных отношений
народов Пермского края*

ISBN 978-5-85218-374-3

© Коллектив авторов, 2008
© ГОУ ВПО «Пермский государственный
педагогический университет», 2008

Список использованной литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. М., 1975.

Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Выпуск 5 / под общ. ред. А. С. Лобановой. Пермь, 2007.

Шестаков Я. Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799-16 октября – 1899 года) Пермской епархии, съ приложениемъ адресовъ духовенства Пермской и Екатеринбургской Епархій / Я. Шестаков. Пермь, 1899.

В. К. Кельмаков (г. Ижевск)

Ранние памятники удмуртской письменности и современное языкознание

0. Удмуртский язык не имеет древних письменных памятников, даже самые первые из них относятся лишь к первой трети XVIII в. Первые рукописные материалы восходят к 1720–1726 гг.; и первое печатное издание, включающее 29 удмуртских слов, – книга Ф. Й. Страленберга “Das Nord- und Ostliche Theil...” – вышла в свет в 1730 г. [Strahlenberg 1730]. Рукописные материалы и печатные издания периода с 20-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в. следует, на мой взгляд, квалифицировать не древними, а лишь *ранними письменными памятниками*.

Ранние письменные документы начали фиксировать удмуртский язык в состоянии современного этапа развития его строевых – фонетических, морфологических, лексических и т. д. – элементов. Иначе говоря, особенности праудмуртского языка на всех его уровнях, и все исторические процессы, в результате которых удмуртский язык приобрел в целом современные черты, не могли быть зафиксированы при помощи этих письменных документов. Это обстоятельство значительно снижает традиционное, характерное почти для всех языков значение письменных

памятников удмуртского языка как источника в изучении истории его строевых элементов [Кельмаков 2003: 78, 138–139]. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос о значении ранних письменных памятников удмуртского языка для современного и исторического языкознания (шире – филологии).

Любой памятник письменности, если он не представляет собой готовое научное исследование, прежде всего выступает как источник в двух основных ипостасях: с одной стороны, как источник изучения истории языка во всех его гранях (его конститутивных элементов всех уровней системы, литературной формы, в том числе графики, орфографии, пунктуации и т. д.) – *источник изучения истории*; с другой стороны, в качестве источника обогащения и развития выразительных средств литературного языка (его номинативной и стилистической лексики, фразеологии, морфологических форм, синтаксических средств и др.) – *источник пополнения* литературного языка.

1. Сферы применения письменных памятников в качестве источников в обоих направлениях в целом зависят от множества особенностей самих документов, в частности: 1) графической основы письма (латиница – кириллица); 2) способа фиксации удмуртского материала (орфография – транскрипция), 3) объема и 4) “жанра” документа и пр. Каталог письменных памятников удмуртского языка с 20-х гг. XVIII в. по 1917 г. [Каракулов 2006: 118–200] включает свыше 400 документов самого различного характера. Если попытаться охарактеризовать их по вышеуказанным параметрам, можно получить следующую картину.

1.1. *Графическая основа письменных памятников.* Удмуртская письменность возникла и первоначально некоторое время существовала на латинской графической основе, именно на ней были составлены первые рукописные памятники 20-х гг. XVIII в., ранние печатные публикации Ф.Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Э. Фишера и др.; латинский же шрифт был использован также при публикации первого пе-

ревода молитвы “Отче наш”. Однако к концу XVIII в. удмуртское письмо почти полностью перешло на кириллицу: уже на ней печатались удмуртские материалы в переводах на русский язык книг П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера; на ней же составлены наиболее значительные памятники XVIIIв. – словарь З. Кротова [Кротовъ 1785] и грамматики М. Могилина [Могилинъ 1786] и т. д. Латинская же графика сохранилась лишь в научных исследованиях – в публикациях диалектных текстов, словарях, а также при транскрипционной записи иллюстративного материала в грамматических очерках и другого рода исследованиях (преимущественно в трудах зарубежных ученых).

Документы, составленные на кириллице, имеют в целом бóльший диапазон использования, нежели памятники на латинской графической основе: последние при всех равных условиях по другим классификационным параметрам все же проигрывают первым, т. к. непригодны в качестве источника истории графики, орфографии и пунктуации.

1.2. *Способ фиксации языкового материала.* Абсолютное большинство письменных документов XVIII – начала XX в. составлены в орфографической записи своего времени. Однако имеется определенное количество изданий и рукописей в транскрипционной записи (преимущественно на латинской графической основе) – это диалектные словари Б. Мункачи [Munkácsi 1896], Ю. Вихманна [Wichmann 1987]; текстовые публикации по удмуртским диалектам – с параллельным переводом на другие (венгерский, финский, немецкий, русский) языки – Б. Мункачи [Munkácsi 1883; 1887], Т. Г. Аминоффа [Aminoff 1886], И. Н. Смирнова [Смирновъ 1890], Ю. Вихманна [Wichmann 1893; 1901] и др.

Эти материалы, изданные исключительно в научных целях, представляют собой ценнейший источник и для истории системы языка, в особенности фонетики, и для пополнения литературного языка. Однако они малопригодны для изучения истории удмуртского письма (графики,

орфографии, возможно, и пунктуации). С одной стороны, удмуртская письменность с XVIII в. пошла, как уже было замечено выше, по пути принятия кириллической графики, с другой стороны, и орфографические и пунктуационные правила транскрибированных текстов существенно отличаются от правил оформления слов и предложений при орфографической записи их. Что касается текстов в орфографии, то точность записи фонетической речи в ней зачастую страдает, поэтому их использование в качестве источника изучения истории требует определенной осторожности.

1.3. *Объем письменного памятника.* Эффективность/неэффективность использования письменных памятников при изучении истории литературного языка зависит также от их объема: чем пространнее письменный документ, тем больше необходимых и полезных сведений из него можно извлечь.

1.4. *Жанр документа.* Что же касается информативности письменного памятника от его жанра, то она, по-видимому, нуждается в некотором объяснении. Как известно, памятники письменности, содержащие лишь словарный материал (словари; путевые заметки, этнографические описания, грамматические очерки и др., составленные на иных языках и содержащие удмуртские лексические вкрапления и иллюстративные примеры; и т. д.), предоставляют в распоряжение историка литературного языка значительно меньше информации (сведения о графике, орфографии, фонетике и лексике), нежели связные тексты (оригинальные и переводные книги и др.). Информативность текстов по сравнению с информативностью отдельных слов и выражений повышается по всем параметрам за счет предоставляемых первыми в распоряжение исследователя сведений о пунктуации, особенностях морфологии и синтаксиса памятника; кроме того, значительно расширяются сведения и об орфографии, ибо в текстах – в отличие от словарей – слова выступают в самых различных грамматических формах и синтаксических сочетаниях.

2. К ранним памятникам письменности удмуртские лингвисты время от времени обращались по поводу их (пере)издания (см., напр.: [Тепляшина 1965; Соч. 1775; Кротовъ 1785; Могилинъ 1786; Еванг. Гл. 1847; Азб. Гл. 1847; Еванг. Сар. 1847; Азб. Сар. 1847; Верецагин 2001; 2002; 2004; 2006; и ряд др.]) в связи с проблемами истории литературного языка или определенного этапа в его развитии, и даже составлен предельно полный каталог дореволюционных письменных памятников удмуртского языка, включающий свыше 400 наименований документов [Каракулов 2005], однако широкомасштабное использование их в многоплановом описательном и историческом исследовании удмуртского языка еще не начато, хотя необходимость в этом и определенная возможность уже явно просматривается. Материалы ранних письменных документов реально расширили бы круг рассматриваемых проблем, обогатили эмпирическую базу и тем самым углубили теоретическую разработку почти всех направлений удмуртской филологии, напр.: нормативной и исторической лексикографии и лексикологии, этимологии; ономастики; описательной и исторической диалектологии; описательной и исторической грамматики; истории удмуртского письма (графики, орфографии, пунктуации); истории удмуртского литературного языка; становление современной стилистики; истории удмуртского языкознания; истории удмуртской фольклористики; истории удмуртской литературы; возникновение удмуртской журналистики и т. д.

3. В данной работе речь о возможности и/или необходимости использования ранних памятников удмуртской письменности в научно-исследовательских целях ведется в глагольных формах условного наклонения или будущего времени. И это отнюдь не случайно, ибо реальное пользование почерпнутыми из письменных документов фактами и сведениями наталкивается на трудно- или непреодолимое препятствие – отсутствие абсолютного большинства рукописей и раннепечатных изданий в распоряжении потенциальных потребителей: студентов, аспирантов,

ученых и др. Удмуртский государственный университет располагает в настоящее время лишь единицами из этих памятников, дополнительно к этому незначительная часть имеется в Национальной библиотеке Удмуртской Республики и Удмуртском институте ИЯЛ УрО РАН; основная же часть хранится в соответствующих архивах и хранилищах гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Вятки, Перми.

Отсутствие интересующих нас документов в архивах г. Ижевска, можно, по-видимому, объяснить следующими причинами.

3.1. Поскольку на территории будущей Удмуртской Республики не было губернского центра, а Ижевск считался лишь заводским поселком, старые архивные документы, в их числе и на удмуртском языке, оседали в стороне, за пределами территории будущей республики.

3.2. В годы советской власти вплоть до последних десятилетий XX столетия в правящих кругах республики господствовала ложная – а в конечном итоге вредоносная – доктрина о том, что до Октябрьской революции у удмуртов не было письменности на родном языке. А это значило, что отдел науки и образования Удмуртского обкома КПСС, который курировал “планомерное” развитие науки в Удмуртской АССР, естественно, не был заинтересован в популяризации ранних рукописных и печатных памятников удмуртского языка, и научные учреждения республики, находившиеся под бдительным идеологическим надзором партийного аппарата, не имели возможности (или скорее дозволения) заниматься поисками и приобретением оригиналов или копий с ранних рукописных и печатных памятников удмуртского языка, хранящихся у частных лиц или в соответствующих государственных учреждениях за пределами республики. Поэтому удмуртские филологи и заинтересованные научные центры республики вплоть до последних лет не имели в своем распоряжении не то что исчерпывающего, но даже ориентировочного, приблизительного списка ранних удмуртских рукописей и печатных изданий XVIII – начала XX столетия.

4. Отнюдь не случайно проблемами издания и переиздания письменных памятников и их изучения долгое время в Удмуртском государственном университете (до 1972 года – Удмуртский государственный педагогический институт) никто не занимался, не значились связанные с ними темы и в плане исследований Удмуртского НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР (ныне Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН).

5. В настоящее время перед удмуртскими филологами и научными учреждениями стоит важная задача полнокровного и целенаправленного ввода корпуса ранних письменных документов на удмуртском языке в научные разработки по всем видам и темам исследований, для чего необходимо:

1) создать в университете полный фонд рукописных и печатных письменных памятников, хранящихся у частных лиц или в соответствующих архивах за пределами Удмуртской Республики, путем приобретения оригиналов или копий с них;

2) продолжить печатное тиражирование важнейших рукописей и раннепечатных памятников удмуртского языка с тем, чтобы ими могли свободно пользоваться все желающие, кем бы они ни были и где бы они ни находились.

Только при использовании полного состава этих документов могут быть адекватно решены вопросы, скажем, истории литературного языка или частных проблем, связанных с ней.

В противном случае все наши штудии, базирующиеся на фрагментарном использовании ранних письменных источников, хотя и поданные под претенциозными заголовками типа «история...», могут оказаться не таковыми в полном смысле этого слова, а лишь более скромными «к истории»-ями и/или «из истории»-ями* и т. д. Между тем, чтобы

* В этом отношении из двух работ, написанных с использованием 15–17 ранних памятников удмуртского языка – Т. И. Тепляшиной “Из истории удмуртской графики”

подобное исследование соответствовало своему всеобъемлющему названию «история», необходим обзор чуть ли не всех из более чем 400 памятников дореволюционной письменности и солидное количество послереволюционных, ибо почти каждый из ранних авторов и издателей (напр., Б. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, В. А. Ислентьев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Т. К. Борисов и др.) пользовался своей собственной системой графики, и пропуск в обзоре какого-либо издания или рукописи способен привести к неточностям и ошибкам в выводах.

Полная и достоверная история формирования удмуртской графики (и орфографии) не может быть составлена, пока не будет, к примеру, выявлено, когда и в какой книге или рукописи, пройдя через какие перипетии, утвердились современные буквы **õ** и **ц** для обозначения соответствующих гласных фонем удмуртского литературного языка и буквы **э**, **ю**, **ч** и **ч** – для фиксации аффрикат и т. д. Даже такая, казалось бы, “безобидная” буква, как **ч**, утвердилась для обозначения глухой палатальной аффрикаты **ч** удмуртского языка в результате определенного исторического развития – мне по крайней мере известны две ее предшественницы: **ц** (письменные памятники XVIII – первой половины XIX в.), **чя** (В.А. Ислентьев). Требуется также уточнения, в какие хронологические рамки укладывается использование в удмуртской графике буквы **j** в начале слова в “иероглифической” функции для обозначения фонемы **й**- для носителей одних диалектов и фонемы **ɖ'** – других, появившейся в удмуртском письме на рубеже XIX–XX вв.; знака **[']** – в качестве разделительного, буквы **ъ** – в финале слов или даже морфем после велярных согласных. Необходимо проследить по всем письменным документам и такое явление, как обозначение палатальности соответствующих согласных фонем удмуртского языка в различных позициях в слове. И т. д., и т. п.

[1965а] и И. В. Тараканова “История удмуртской графики” [2001], – название первой, разумеется, следует считать более корректным.

В этой связи не мешает вспомнить мудрое предначертание Ф. П. Филина, высказанное им еще в прошлом веке по поводу почти аналогичной ситуации в русском языкознании: “История русского литературного языка еще не написана. <...> Написать полную историю русского литературного языка означает исследовать по более или менее единой программе язык всех письменных произведений от начала письменности на Руси до нашего времени (по крайней мере тех, которые являются типичными для основных тенденций языкового развития, а эту типичность еще предстоит определять), не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка” [Филин 1981: 3].

Список литературы и источников

Азбука Гл. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ днтей чтенію на ихъ нарнчіи. (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / сост. Л. М. Ившин; отв. за вып. Л. Л. Карпова; предисл. Л. М. Ившин; УИИЯЛ УрО РАН; Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 387–558. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3)].

Азбука Сар. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ днтей чтенію на ихъ нарнчіи. (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин; отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; предисл. Л. М. Ившин; УИИЯЛ УрО РАН; Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 249–439. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4)].

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г.Е. Верещагин; под ред. В. М. Ванюшева; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАНП. Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басня. Пословицы. Поговорки. Загадки / Г.Е. Верещагин; отв. за выпуск и автор предисл., предметно-тематического указателя жанровых разновидностей устной прозы Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2001. 222 с. (Памятники культуры). Предм.-темат. указ.: с. 197–213; Указ. жанр. разновидностей уст. прозы: с. 214–217.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г.Е. Верещагин; под ред. В. М. Ванюшева; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / Г. Е. Верещагин; отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; под ред. В. М. Ванюшева; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Т. 5: Литературные сочинения / Г. Е. Верещагин; отв. за выпуск В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; текстологическая подготовка рукописей к печати, предисловие и комментарии В. М. Ванюшева, Т.С. Зыкиной. Ижевск, 2004. 416 с. (Памятники культуры). Удм., рус.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; под ред. В. М. Ванюшева; Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь / Г. Е. Верещагин; отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

Еванг. Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Маттея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарчїя. Казань, напечатанъ въ типографїи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин; УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 13–386. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3).]

Еванг. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. Евангелиста Маттея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарчїя. Казань, 1847. 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; предисл. Л. М. Ившина; УИИЯЛ УрО РАН. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 11–248. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4).]

Каракулов Б. И. Удмурт литературной кылэн сюрессз: XVIII–XXI дауръёс=История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века / Б.И. Каракулов. Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с.

Кельмаков В. К. Дialeктная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1 / В. К. Кельмаков; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом. “Удмурт. ун-т”, 2003. 276 с.

Кротовъ 1785 – *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / З. Кротов; УрО РАН; Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 г.). XX + 208 с.

Могилинъ 1786 – *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / М. Могилин; отв. ред. Л. Е. Кириллова; слово к читателям Л. Е. Кирилловой; предисл. К. И. Куликова; прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. Ком.: с. 121–191; прил. с. 192–201. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).

Смирновъ И. Н. Вотяки: Историко-этнографическій очеркъ / И. Н. Смирнов (= Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ ун-тѣ. Т. VIII, вып. 2). Казань, 1890. 308 + [Приложение]. С.39+4.

Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наук 1775 г. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 3–15 + 113 + 17 с.

Тараканов И. История удмуртской графики / И. Тараканов // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. Tartu, 2001. С. 297–301.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1965. Вып. 1. 324с.

Тепляшина Т. И. Из истории удмуртской графики / Т.И. Тепляшина // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тезисы докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми фил. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965а. С. 111–116.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин; АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1981. 328 с.

Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä / T. G. Aminoff // JSFOu. 1886. I. S. 32–55.

Munkácsi B. Votják nyelvmutatványok / B. Munkácsi // NyK. 1883. XVII. 247–302 old.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. Budapest, 1887. 335 l.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet... / Ph. J. Strahlenberg. Stokholm, 1730. 431 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche / Y. Wichmann. Helsingfors, 1893. XX + 200 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen / Y. Wichmann. Helsingfors, 1901. IV + 200S.

Wichmann 1987 – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen / Y. Wichmann. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.